

Глава 9. Наставник

— Делать? Что делать? — Лу Силай, всё еще стоя на коленях, застыл с разинутым ртом.

Он так и не поднялся, чтобы принять указ, а просто пялился на евнуха-посланника, будто на его лице были написаны пояснения.

— Тайфу, — не поднимая головы от земли, ледяным тоном подсказал Янь Шэнь, стоявший рядом в такой же коленапреклонённой позе.

— Тайфу... это... это кто вообще такой?

Янь Шэнь уже собирался было объяснить, но, вспомнив, что сам всё еще приниженно распластан по полу, вдруг вспылил:

— Сначала прими указ!

— Принять? Да пошел ты! — Лу Силай вскочил и, тыча пальцем в Янь Шэня, разразился руганью: — Скотина! Думаешь, я не знаю, кто такой Тайфу?! Велишь мне принять его? Да я ж головы лишусь, если соглашусь!

Увидев, что тот осмелился встать, евнух вытаращил глаза, похожие на два медных колокольчика. Его официальный говор зазвучал суше и резче:

— Дерзость! Ты что, вздумал противиться императорской воле?!

— Принять этот указ — вот истинная дерзость! — Лу Силай нашелся с ответом мгновенно.

— Ты!..

—... — Янь Шэнь почувствовал, как виски сдавило нарастающей болью.

Наконец он не выдержал, схватил Лу Силая за край одежды и силой дернул вниз, заставляя опуститься рядом.

— Что тебе может сделать Наследный принц? — прошипел он ему в самое ухо. — Если не примешь указ сейчас, твоя голова слетит с плеч сию же секунду!

Лу Силай испуганно втянул шею.

—... А? Правда?

— Хочешь проверить на собственной шкуре?

Янь Шэнь предостерегающе посмотрел на Лу Силая, и тот почувствовал, будто по позвоночнику скользнуло ледяное лезвие. Он тут же выпрямился и выпалил:

— Принимаю! Принимаю!

Императорский указ, больше похожий на отобранную в драке добычу, Лу Силай водрузил на стол в своей комнате, оберегая его как величайшую святыню. Сам же уселся рядом, охая и вздыхая, и даже не решался взглянуть на свиток лишний раз.

Он обхватил голову руками и уткнулся в колени. Стоило подумать о завтрашней встрече с этим юным Тайцзы, как по спине пробежал озноб. Посещение поместья Государственного дяди уже стало для него уроком: перед лицом императорской власти хитрость и мелкие уловки не спасали. Наследный принц мог лишить человека жизни одним движением пальца.

Янь Шэнь всё не возвращался. Почему он ушел и пропал? Лу Силай поймал себя на том, что с нетерпением ждёт появления этого грозного Цзайсяна, которого обычно старался обходить десятой дорогой.

Но даже если Янь Шэнь будет рядом — что это изменит? Против ловушек Восточного дворца, коих он и в глаза не видел, никакой защиты не хватит.

Лишившись аппетита, Лу Силай просидел в комнате весь остаток дня. Закат сменился лунной ночью, а та — рассветом. Когда небо на востоке начало светлеть, он понял: пора во дворец.

Он поднял голову. Лицо его было непривычно спокойным. Он умылся, тщательно собрал длинные волосы и переоделся в приличное платье. После чего уверенным шагом вышел из комнаты.

Едва рассвело, Янь Шэнь спрыгнул с коня. Он гнал его целый день и ночь, чтобы успеть обернуться до уезда Фэншуй и обратно. Смертельно уставший, он, тем не менее, не пошел отдыхать, а поспешил к покоям Линь Яньдуна. Проходя через галерею, он заметил серую фигуру в саду.

Янь Шэнь с облегчением выдохнул. Он хотел окликнуть его по имени, но замялся. Как его назвать? Линь Яньдун? Или... Лу Силай?

Пока он размышлял над этим странным вопросом, книжник, проходивший мимо сада, заметил в углу куст алых роз. Он остановился. Провел рукой по стеблю и, словно на что-то решившись, сорвал один цветок. Поднес его к лицу, вдыхая густой, сладкий аромат.

Казалось, он сам удивился благоуханию — он вздрогнул и слегка улыбнулся.

Янь Шэнь на мгновение замер, замороженный этой картиной.

В его памяти Линь Яньдун всегда был неопрятным, бесстыжим пройдохой. Каждый раз, когда он вспоминал его, перед глазами вставал образ человека, вечно обливающегося слезами или потом — словом, находящегося в самом жалком состоянии. Но этот чистый, опрятный юноша с ясным взглядом и мягкой улыбкой — неужели это тоже Линь Яньдун? А если не он, то кто?

Пока Янь Шэнь пребывал в оцепенении, Лу Силай спрятал розу в широкий рукав. Аромат мгновенно заполнил ткань. Решение было принято. Раз уж он стал Тайфу, он научит этого мелкого ублюдка, как ведут себя люди!

В этот момент он услышал тихий оклик. Голос Янь Шэня, обычно властный, на этот раз звучал неуверенно:

— Лу Силай.

Тот нехотя обернулся и покачал головой:

— Сколько раз повторять? Не Лу Силай. Линь Яньдун.

Янь Шэнь не вспыхнул. Он быстро подошел ближе. Памятуя о прошлых «уроках», Лу Силай в испуге отступил на пару шагов, но тот крепко перехватил его руку. Книжник уже собрался было закричать, но заметил, что выражение лица Цзайсяна совсем не такое, как обычно. Тот достал из-за пазухи нефритовую подвеску.

В лучах утреннего солнца нефритовая подвеска в форме веера качнулась, переливаясь чистым светом.

— Этот подвес император пожаловал моему названому отцу, — негромко произнес Янь Шэнь, прикрепляя нефрит к поясу Лу Силая. — Если что случится — покажи его. Вещь, дарованная самим государем... должна послужить защитой.

Названный отец? Хэ Юйху? Лу Силай слышал о нем от слуг: говорили, старик ушел в отставку и уехал на покой в уезд Фэншуй...

А! Лу Силай вдруг заметил, что вечно безупречный, изысканно одетый Янь Шэнь сейчас

выглядит измотанным и запыленным.

Лу Силай почувствовал, как в груди всё сжалось. Он отступил еще на два шага, не зная, как реагировать. Он не понимал... зачем Янь Шэнь зашел так далеко ради него?

— Янь Шэнь?! Вещь, дарованную императором... ты поехал просить её для меня? — Лу Силай заговорил поспешно, словно стремясь что-то подтвердить. — Ты ведь понимаешь? Я не твой спаситель Лу Силай. Я Линь Яньдун.

Янь Шэнь на миг с грустью посмотрел на него, но лишь сильнее сжал локоть книжника и серьезно произнес:

— Мне пора на утренний прием. Будь осторожен.

Лу Силай ошеломленно смотрел ему вслед. Прошло немало времени, прежде чем он смог просто глупо кивнуть.

Янь Шэнь после быстрого омовения, прихватив нефритовую дощечку, поспешил ко двору. Лу Силай же успел лишь позавтракать, как в ворота уже постучал маленький евнух, прибывший за ним с паланкином.

Глубоко вздохнув, Лу Силай поправил одежду и последовал к выходу.

— Наставник Линь, присаживайтесь поудобнее, — вежливо произнес евнух.

— Угу, сижу, — отозвался Лу Силай, устраиваясь в паланкине.

Он удивился внезапной заботливости слуги, но тут же одернул себя. В глазах окружающих он превратился из общипанной курицы в феникса, и никому не было дела до того, что этого «феникса» в Восточном дворце Тайцзы может просто зажарить и съесть.

Но едва паланкин начали поднимать, Лу Силай почувствовал холодок между лопатками. Это чувство было ему знакомо: годы скитаний и побегов отточили его интуицию до пугающей остроты.

В то же мгновение он резко вскинул руки. И не зря — в следующую секунду из подлокотников с лязгом выскочили железные скобы. Если бы он промедлил, его запястья были бы раздроблены.

Ноги и поясница оказались намертво прижаты к сиденью. Лу Силай процедил сквозь зубы:

— Маленькая скотина.

Евнух снаружи, поняв, что ловушка сработала, холодно усмехнулся:

— Придержи язык, иначе дальше будет только хуже.

«Каков хозяин, таков и слуга», — подумал Лу Силай. В этом Восточном дворце даже мелкие сошки были сущими бесами. Ему нестерпимо захотелось высунуться и разбить голову этому наглому холопу, но он вовремя вспомнил о своем положении. В схватке слабого с сильным нужно умело распоряжаться козырями. И он замолчал.

Решив, что книжник струсил, евнух довольно пискнул:

— Поднимай!

Через четверть часа паланкин опустился. Лу Силай слегка приподнял занавеску и увидел, что они уже у дворцовых ворот. Евнух пояснил, что Тайцзы приказал избавить Наставника от долгой ходьбы из-за его «слабости».

Паланкин снова подняли и несли еще пятнадцать минут. На этот раз, когда его поставили на землю, евнух доложил:

— Ваше Высочество, Наставник Линь прибыл.

Лу Силай снова приподнял занавеску, собираясь оглядеться, но не успел он ничего разобрать, как мимо уха со свистом что-то пролетело. Глухой удар оборвал звук. Обернувшись, он покрылся холодным потом. Стрела. Она торчала в стенке паланкина ровно там, где мгновение назад находилась его шея.

Он ожидал демонстрации силы, «запугивания», но не думал, что этот мерзавец решит сразу отправить его к праотцам!

— Тайцзы!! — этот тревожный выкрик прозвучал четко и звонко, без обычной для дворцовых слуг гнусавости. Лу Силай смутно припомнил, что это был Ван Чэн, командир гвардии Восточного дворца.

Побывав на пороге преисподней, Лу Силай боялся даже вздохнуть. Он опасался, что если издаст хоть звук, принц прикажет превратить паланкин в решето.

— Ох, какая неприятность. Этот негодный раб отвлек меня своими криками... — Голос Чжао Ииня звучал невыносимо буднично. — Учитель не ранен?

Принц откинул занавеску. Когда в паланкин хлынул свет, Лу Силай мгновенно прикрыл широкими рукавами железные оковы на ногах.

Увидев, что Линь Яньдун, криво улыбаясь, смотрит на него, Чжао Иинь озадаченно посмотрел на него и резко бросил занавеску обратно.

«Неужели этот парень под защитой каких-то высших сил? Даже так его не пришибло!»

Заметив гнев господина, евнух сообразил на ходу:

— Прошу Наставника выйти из паланкина.

Лу Силай попытался пошевелить ногами и беспомощно пожал плечами:

— Ваше Высочество, я бы и рад, но...

— Никаких «но»! — оборвал его Чжао Иинь и вдруг отвесил глубокий, нарочито вежливый поклон. — Раз Наставник принял указ, он должен следовать воле императора! Прошу, выходите!

Лицо принца было суровым, но в душе он ликовал.

«Линь Яньдун, сопротивление указу или обман императора — любой из этих путей ведет к смерти. Выбирай».

—... — Видимо, поняв, что спорить бесполезно, человек в паланкине вздохнул. После недолгого молчания он вдруг произнес: — С древних времен обряд принятия учителя требовал коленопреклонения и подношения чая...

Услышав это, Чжао Иинь едва не позеленел от ярости. Этот бродяга, стоя на краю могилы, смеет требовать, чтобы принц кланялся ему в ноги? Невероятная наглость!

Словно прочитав его мысли, голос из паланкина поспешно добавил:

— Тайцзы — будущий правитель, так что коленопреклонение излишне! Но пока принц не поднесет чай, мы не станем учителем и учеником.

— О? И только-то?

Чжао Иинь снова улыбнулся. Поднести чай — дело нехитрое. Он приказал подать чашу и сделал несколько шагов к паланкину.

Он злорадно усмехался, думая про себя: «Чай-то я поднесу, да только хватит ли у тебя духу его выпить?»

И в тот самый миг, когда Наследный принц уже чувствовал вкус победы, Лу Силай высунулся из паланкина и мертвой хваткой вцепился в его запястья.

— А! — Чжао Иинь вскрикнул от неожиданности, выронив чашу. В ту же секунду, прежде чем чай коснулся земли, принца рывком втянули внутрь паланкина.

— Тайцзы затащили внутрь!!! — первым опомнился евнух с чайником в руках. Его визг пререзал тишину.

Этот крик вывел всех из оцепенения. Началась суматоха. Ван Чэн, стоявший поодаль, обнажил меч и бросился к паланкину вместе со стражей, но, опасаясь за жизнь принца, не решился действовать:

— Линь Яньдун! Отпусти Его Высочество!

Чжао Иинь больно ударился затылком о заднюю стенку паланкина. Перед его глазами маячило лицо Наставника Линя, а к горлу была прижата та самая ледяная стрела. Её наконечник едва заметно подрагивал у самой яремной вены.

— Скажи им, чтобы не дергались, — прошептал Лу Силай.

Побледневший до синевы Тайцзы, не смея пошевелиться, закричал во весь голос:

— Назад! Всем стоять на месте!

Когда шум снаружи наконец утих, Лу Силай перестал хмуриться и лениво протянул:

— Ох, ноги затекли.

Невзирая на то, каким издевательским было лицо Лу Силая, Чжао Иинь сейчас был готов на всё:

— Быстрее! Снимите железные обручи!

Размяв затекшие конечности, Лу Силай почувствовал, как по телу разливается приятная легкость. Немного помолчав, он спросил:

— Где у вас тут место, где судят по справедливости и разбирают тяжбы?

Он понимал: оставаться в Восточном дворе — значит быть растерзанным. Ему нужна была третья сторона, обладающая хоть какой-то честностью.

—... Министерство юстиции? — Чжао Иинь ответил честно, но в душе возликовал. Еще вчера он прибрал к рукам Шаншу Гуань Ваньхэ. Что Восточный дворец, что Синбу — для него теперь не было разницы. «Этот деревенщина, как бы ни был хитер, никогда об этом не догадается».

Лу Силай, не подозревая о подвохе, крикнул тем, кто снаружи:

— Слышали? В Министерство юстиции!

— Линь Яньдун! Отпусти принца сейчас же, и, может быть, сохранишь жизнь! — прокричал Ван Чэн, явно не понимая сути происходящего.

Лу Силай вскипел. «Черт бы тебя побрал! Даже если врешь, хоть на секунду задумайся — сам-то ты в это поверил бы?!»

Он не стал спорить. Просто чуть сильнее вдавил острие стрелы в шею заложника, и Тайцзы тут же поспешил стать его «голосом»:

— В Синбу! Живо везите нас в Синбу!!

Слова принца весили куда больше. После недолгой тишины паланкин снова подняли.

<http://bllate.org/book/17426/1693315>